

Сергей ПЕТРОВ

г. Москва

Дурнушка

рассказ

«Жизнь — забавная штука, — морщила лоб Анастасия Павловна, укрывшись в кровати одеялами, и усмехнулась. — Даже таким дурнушкам, как я, умирать не хочется».

Слово «дурнушка» в первый раз Настя услышала в свой адрес, когда ей было пять лет. В первый и не последний. Она не задумываясь ответила обидчице по-детски: мол, сама такая. Не успела опомниться, как мама схватила соседскую девочку в охапку и побежала к дому, причитая: «Бедненькая моя!..» Тогда у Насти дрогнуло в сердце, она поняла, что не такая, как все. С тех пор осознание собственной необычности преследовало ее.

Когда ей было шесть лет, девочки в песочнице вылепили женскую фигуру, воткнули в голову дохлую мушку и хором крикнули: «Это кикимора Настя!»

Настя не задумываясь бросилась себя защищать и расцарапала пальцы Свете. Сверстница заревела, а Настя уже испуганно стала дуть ей на ладошку, приговаривая: «У сороки заболи, у Светули заживи!» Появившиеся во дворе матери

соседских девчонок проникновенно и растерянно наблюдали за этой сценой.

По мере взросления слова «мымра» или «уродина» все чаще бросали ей вслед. Сначала Настя пыталась обороняться и оправдываться, но в ответ слышала только презрительный смех. Со слезами прибежала она домой, зарывалась головой в подушку.

Девочка и жалела себя, и обижалась до злости на мать, главную, как ей казалось, виновницу ее уродства, но чаще вымещала досаду на своей кукле по имени Кикимора, упрекая ее: «Нельзя быть уродиной! Будь красивой!» Слово преобразование куклы могло изменить и ее внешность. В такие минуты отчаяния ребенок начинал представлять, как умрет и все станут плакать, особенно мама, и винить себя в том, что не уберегли такую хорошую девочку. Потом Настя начинала рассматривать себя в зеркале и разговаривать сама с собой: «Вот худые и длинные ноги, пусть ходули, зато кожа гладкая и красивая, руки кривые, но не такие длинные, как ноги, голова большая, но не крупная! Зато глаза большие и синие, голос звонкий! А если нос круп-

ный и уши большие, то тоже мне велика беда!» Наконец девочка вздохнула и начинала винить во всем зеркало: «Хватит меня изображать. Сама знаю, как выгляжу. Будто мне это нравится? Думаешь, у меня был выбор?» Затем обиженно уходила и почти сразу снова возвращалась к злополучному трюмо. Постояв, вздыхала и угрюмо говорила своему отражению: «И куда ты хочешь от меня уйти? Ты же на меня смотришь и все видишь. Думаешь, мне удастся затеряться среди людей? Меня везде найдут. Я же уродина, жаба». После таких разговоров с зеркалом Настя опять шла излить горе подушке.

Когда Настя училась в пятом классе, как-то после уроков ее подкараулили несколько мальчишек и со словами «жаба», «страхолодина» стали забрасывать камнями. Град камней летел в девочку, она еле успевала увертываться со слезами на глазах. Особенно старался пухлый веснушчатый коротышка, он брал самые увесистые бульжники, злорадно ухмыляясь, поплевывал на снаряд и уверенно метал в жертву. И вот один из них попал в ногу, девочка упала, разревевшись от боли. Неожиданно не пойми откуда рядом с лежащей на земле Настей появилась пожилая женщина, невысокая, полная, в длинном поношенном платье. Густые, сурово сдвинутые брови и торчащие чуть приметные усики на ее лице приковывали к себе взгляд. Бабуля так грозно прикрикнула на мальчишек, что они мигом разбежались. «Можешь встать, голубушка?» — участливо пропела бабушка ласковым голосом. Настя молча чуть попыталась приподняться, но, вскрикнув от пронзившей боли, снова опустилась на землю. «Ироды! — гневно воскликнула старушка и сразу подозвала случайно проходившего мимо парня. — Мил человек, помоги донести девочку до соседнего дома. Легкая она. Один унесешь».

Когда девочка оказалась дома, покрасневшая нога уже распухла. Пока участливая женщина бегала за мамой Насти, голень стала совсем багровой, от боли и обиды слезы без остановки струились по горячим щекам.

...Анастасия Павловна сжалась от воспоминаний, будто снова переживая ту боль. Однако вспомнила, что пора принимать таблетки. Заглотив одну красную и одну белую, она отхлебнула воды из стакана, сомкнула веки. Перед глазами вновь замелькали картинки из прошлого.

В гипсе с переломом ноги она пробыла полтора месяца. После пережитого ей казалось, что она оглохла — теперь, когда вслед кричали гадости, она лишь молчала, делала вид, что ничего не слышит, и проходила мимо. Каждое злое слово больно било по Насте, как те бульжники, что летели в нее, но она научилась терпеть и молчать, стискивая зубы и до боли сжимая кулаки. Только скулы заострились, губы сжимались в полоску, а лицо становилось будто неживым. Она даже радовалась в глубине души, если, отпустив в ее адрес гадкое слово, обидчики от нее презрительно отворачивались, теряя всякий интерес.

В ту пору она больше всего любила оставаться одна в квартире и мечтать. В отличие от своих сверстниц, в своих мечтах девочка видела не прекрасных принцев, приплывающих на бригантинах с алыми парусами. Настя представляла себе то бедного котенка, который залез на дерево и не может слезть, то щенка со сломанной лапой, и в своих фантазиях она отчаянно и бесстрашно бросалась их спасать. Еще она любила дождь — тогда все преображалось, становилось неясным и загадочным. Косые струи грибного дождика играли с солнечными лучами и ручейками стекали по асфальту. Дома, зелень деревьев умывались небесной водой. Многоэтажки, прищуриваясь бесчисленными окнами, довольно улыбались, отражая стеклами солнечные лучи. Деревья шелестели влажной листвой. В порыве вдохновения Настя начала рифмовать строчки, складывая стихи, которые потом аккуратно записывала в свою тетрадку. Это были одни из лучших мгновений в ее жизни.

...Анастасия Павловна с трудом встала с кровати и, опираясь на трость, дошла до комода. Покопавшись в ящике, достала стопку тетрадей, обвязанных резинкой. Сейчас ей вновь хотелось погрузиться в те счастливые строчки — отражения счастливых мгновений.

После снятия гипса Настя еще больше сжалась и осунулась, словно побитая собачонка, и в школу заходила угловато. Тогда неожиданно ее взяла под свою опеку классный руководитель Наталья Владимировна. Она пыталась поговорить с девочкой. Сначала Настя сидела насупившись. А затем от спокойного и доброжелательного голоса учительницы, от неподдельного тепла в ее гла-

зах сердце девочки постепенно стало оттаивать. «Внешность — это лишь кокон, Настенька, обёртка. А важна не форма, а содержание. Главное, чтобы красивой была душа, — тихо говорила девочке учительница. — К сожалению, не все это понимают. Знаешь, есть такая притча... Как-то раз две души, одна в красивой оболочке, а другая — нет, встретились на морском берегу и решили искупаться. Они сняли с себя облачения и поплыли по волнам. Раньше вернулась на берег вторая душа и, перепутав, вселилась в красивую оболочку. Позже приплыла первая, но нашла не свое одеяние, потому сначала и решила не облачаться. Но делать было нечего. Пришлось поневоле укрыться некрасивой оболочкой. Каждая душа пошла своей дорогой. Так получилось. Но с того дня несмышленные люди путаются и порой по ошибке принимают одно за другое. А суть в том, что некрасивость в своей необычности может быть прекрасной так же, как и прекрасное в своем совершенстве может стать уродством. На небесах, Настенька, нет разницы, красивы мы или нет, — все равны. Там красота и непривлекательность не различаются». Тогда Настя до конца не поняла смысл слов учительницы, но внутренне успокоилась, и ее истосковавшаяся по теплу и сочувствию душа сразу приняла эту женщину. Именно ради Натальи Владимировны девочка решила всегда хорошо учиться. Ей казалось, что это доставит радость любимой учительнице. После школы одноклассники забрасывали портфели домой и резвились во дворе, а Настя сразу же садилась за уроки. Хотя порой, не выдерживая, подходила к окну и с завистью смотрела на играющих в скакалки или классики сверстников. Ей очень нравилось играть в классики, оттого она вычерчивала мелом их прямо на полу квартиры и прыгала в одиночестве. Правда, одной скакать быстро надоедало. Тогда Настя бралась за обруч и ловко крутила его на талии. Как-то раз, наблюдая в окно за соседскими девочками, Настя заметила, как неумело они вертят обруч, и, обернувшись два-три раза, он со звоном соскальзывал на асфальт. Позабыв о своих страхах, она не устояла и мигом выбежала во двор. Ей так хотелось показать Тане и Маше, как хорошо она умеет крутить обруч!

«Вот и мымра пожаловала! Рожа! Пугало! Страшила! Гадина!» — град слов больно, как камни мальчишек, бил не тело, а душу.

Затравленную Настю взяла под защиту лишь Катя, соседка по парте.

«Разве она виновата в своем уродстве?!» — громко с вызовом заявила спасительница и испуганно прикрыла рот ладошкой, поняв, что сделала подруге еще больнее.

Настя вздрогнула и, захлебываясь слезами, побежала домой. Тогда впервые пришла мысль умереть, она взяла нож и долго смотрела на сверкающее сталью лезвие. Случайно взгляд Насти зацепился за книгу, которую мама забыла на столе. Девочка всегда любила читать, потому, положив нож, потянулась за книгой. Пока Настя перелистывала страницы, домой вернулась мама. Увидев зареванную дочь с книжкой в руках, лежащий рядом с ней нож, она всё поняла без слов. Женщина крепко обняла дочку, прижала к груди. Настя будто обмякла в ее руках, худенькие плечики мелко-мелко затряслись, сдерживая всхлипы, она лишь шептала: «Мамочка, что я им плохого сделала? Мамочка, разве я виновата, что такая?»

...Анастасия Павловна, старчески шаркая тапочками, подошла к окну. А за стеклом пробуждалась от зимней спячки природа. Улыбаясь весеннему солнцу, шептались между собой березы в сквере, молодой тополь, помахивая веточкой, склонил голову к осине. Даже через стекло было слышно, как уже задорно заливаются чириканием воробышки. Распахнулись ароматные почки деревьев и выпустили свои зеленые кончики. Возьмешь такую почку, разотрешь пальцами и потом долго ощущаешь терпкий аромат смолы. Женщина вспомнила, как однажды мама принесла домой букетик подснежников. Настя замороженно смотрела на эту красоту. Синенькие такие, на коротких ножках... Матушка понюхала подснежники и сказала: «Теперь чувствую — весна пришла!» Настя тоже поднесла букетик к носу. Цветочного аромата не ощущалось, а чувствовался именно запах земли. «Значит, весна землей пахнет!» — решила девочка.

Пришло время — Настя окончила школу с золотой медалью.

Даже ходил слух, будто бы на педсовете кто-то из учителей сказал: «Конечно, золотую медаль она заслуживает, но давать награду человеку с такой внешностью...» А может, и не было такого — просто злословили одноклассники.

Документы Настя подала в училище. В приемной комиссии ахнули, мол, медалистка и в училище...

— Может, вам лучше в высшее учебное заведение подать документы? — с сомнением в голосе спросила председатель приемной комиссии.

— Я с детства мечтаю стать парикмахером. Сейчас стригу уже моих соседок. Мой выбор осознан, — уверенно заявила абитуриентка.

А началось все еще в четырнадцать лет, когда Настя увидела в салоне, как совсем молодой парикмахер двумя руками долго и безуспешно пытается сделать завиток пряди волос. Настя попробовала и с первого раза сделала то же самое тремя пальцами. Такая удача вдохновила, и она стала частенько заходить в салон, где работала подруга мамы, чтобы понаблюдать за ее работой, поучиться.

Училище Настя окончила «на отлично». По протекции преподавателя парикмахерского мастерства, которая видела в Насте настоящий талант, попала на работу в элитный салон красоты. Когда она бралась за ножницы, то обо всем на свете забывала, целиком погружаясь в любимое занятие. Стрижка превратилась для Насти в сказочный полет воображения. Она творила красоту парикмахерскими ножницами так, как творит художник кистью. Ее работы часто отмечали наградами на конкурсах парикмахерского мастерства. Настя была счастлива — на работе она, некрасивая Настя, своими руками творила прекрасное.

Однако клиентов у молодого, хотя и талантливого мастера было не так много. Бросив свысока презрительный взгляд на молоденькую, очень неказистую с виду парикмахершу, многие расфуфыренные богатые дамы кривили ротки, отказываясь довериться талантливым рукам. Но тот, кто хоть раз стригся, становился клиентом навек, одной из них стала жена местного олигарха. Однажды, когда другие мастера были надолго заняты, в кресле Насти оказалась холёная длинноногая женщина. Виктория смогла обкрутить пожилого толстосума и умело манипулировала им. Настя с воодушевлением колдовала над красивыми, ухоженными волосами клиентки. В итоге ее работа настолько угодила привередливой даме, что она стала ходячей рекламой мастерства Насти. Наотрез отказываясь от других мастеров, садясь в парикмахерское кресло, она иногда го-

ворила: «Найти своего парикмахера гораздо сложнее, чем выйти замуж за миллионера. Так что я навеки Настенькина!»

С тех пор к Насте начала выстраиваться очередь.

...Ноги стали наливаться тяжестью, Анастасия Павловна не могла долго стоять, потому была вынуждена отойти от окна и лечь обратно в постель. Когда прилегла, размышляла: «Вот и эти деревья за окном будут шуметь, и дети, как прежде, играть в классики, а меня не будет, — с грустью подумала старушка и усмехнулась: — Смерти не хочется и таким дурнушкам, как я».

В один из таких прекрасных майских вечеров, когда так легко и радостно жить, случилось то, что переломило жизнь Насти на «до» и «после». Настя тогда допоздна задержалась на работе и, возвращаясь домой, решила сократить путь через дворы. Заходя в арку, девушка сразу увидела их: один высокий, худой мужчина с большим шрамом через всю щеку, одетый в поношенные грязноватые джинсы и рубашку, рядом с ним переминался с ноги на ногу и постоянно шмыгал носом толстый коротышка, поодаль спрятался рослый детина с наколками на руках и немигающим взглядом, напоминающим уголовника. Запах спиртного не оставлял сомнения в их изрядном подпитии.

— Девка, мы тебя хотим! — причмокивая и жестикулируя жирными пальцами, пьяно объявил коротышка.

Девушка попыталась было развернуться и убежать, но похотливая пьянь уже окружила, зажимая в кольцо.

— Я буду кричать! — громко выпалила она.

— А кто те даст кричать, телочка? — зашипел уголовник, в руках его сверкнул нож.

Тут же страшная боль пронзила Настю, и, теряя сознание, жертва упала.

Пришла в себя она уже в больничной палате и увидела сидящую рядом на стуле маму. Врачи сказали, что ей повезло. Просто одна женщина почему-то решила на ночь глядя выбросить мусор и около бака с отходами услышала стоны. А когда увидела окровавленную, с задраным подолом девушку, лежащую на земле, то запричитала и сразу вызвала по телефону скорую помощь и милицию. Пострадавшую

доставили в больницу с порезами на голове, рваными ранами на теле, множеством ушибов и ссадин, рассеченной губой.

Сначала Настя ошеломленно сидела и невидящими глазами смотрела на маму. Затем, отойдя от шока и восстановив в памяти события, затряслась, стала неудержимо хохотать, забилась в истерике, захлебнулась в слезах. Мать сутками сидела у кровати дочери, учительница Наталья Владимировна, узнав о страшной Настинной беде, тоже каждый день хоть на полчаса забегала к ней.

Настя неделю почти не спала. Ее все время знобило, она постоянно плакала, а когда слезы кончались, тихо, жалобно скулила, как все те несчастные щенки, которых в детстве мечтала спасти. Мать не отлучалась от дочери, больше всего она боялась, что растерзанная изуверами Настя наложит на себя руки. Однако за это время, несмотря на истерики, больная ни разу не попыталась умереть. Время и забота близких людей, врачей сделали свое дело, девушка стала медленно восстанавливаться от пережитого потрясения, но в душе ее все умерло.

Лечение шло своим чередом, периодически Настю вызывали к следователю. Вопреки опасениям следователя, она хладнокровно выдержала опознание всех троих задержанных насильников и очную ставку.

А потом стало понятно, что Настя все-таки беременна от насильника.

«Буду делать аборт. Выродок подлеца жить не должен», — спокойным, бесстрастным голосом заявила Настя, будто неживая.

Мать сначала промолчала. Только дома уже подошла к ней, крепко обняла, будто хотела материнскими руками укрыть от всех бед, и, помедлив, тихо сказала: «Только прежде в церковь сходи, а то ведь живое дитя умертвишь...»

Настя не ответила, ей казалось, что она тоже мертва. Она ходила сама не своя несколько дней. Осознание того, что в ней другая жизнь — чужая, новая, разбередили изболевшую душу, она не находила себе места, потом решила исповедаться.

Дрожа и обливаясь слезами от воспоминаний, она еле закончила свой рассказ пожилому батюшке. Он выслушал Настю, а в конце разговора особенно ласково произнес: «У ребеночка-то будет твоя душа и сердце, от тебя то есть. А на кого

лицом похож — это не важно. Главное — не обёртка, а содержание. Господу все мы на одно лицо. Подумай об этом, дочка...»

Слёзы градом снова хлынули из глаз, Настя не сразу ушла из церкви, она еще долго простояла у алтаря, склонив голову. Началось вечернее богослужение. Ее окутали умиротворяющие переливы голосов хора, ароматы благовоний, ей в какой-то миг показалось, будто пространство над ней сомкнулось вместе с куполом церкви, будто она обрела защиту. Дочкой Настя ушла с легкостью на сердце.

Как говорится, беда не ходит одна. После выписки Насти от тяжелых переживаний разболелась и ее мама — то и дело прихватывало сердце, а в больнице у Татьяны Ивановны ко всему обнаружили начальную стадию рака. Теперь уже вконец душевно и физически измученная дочь ухаживала за мамой. Первые сеансы химиотерапии не дали положительных результатов. Спасти могла только операция. И деньги, много денег на дорогие лекарства и долгое восстановление.

Одолжить такие суммы было не у кого, заработать в кратчайший срок невозможно. От безысходности Настя решила было продать старую обшарпанную маленькую квартирку. Но одно дело решить, а другое — продать. Покупателей было мало, а кто и приходил посмотреть, больше не появлялись или звонили и предлагали приобрести совсем за бесценок. Этих денег хватило бы лишь на недолгое время, а сама она, беременная, осталась бы на улице. Сама не своя, как в бреду, Настя днями напролет от безысходности бесцельно бродила по улицам родного города. Мысли о больной матери роились в голове, жить совсем не хотелось, она даже не думала о ребенке, которого носит в себе.

Так же было в тот день. Шел дождь. Она шла, не оборачиваясь, ни разу не останавливаясь, словно боялась, что ее кто-то догонит. Серая, натянутая как струна улица шла ниоткуда и в никуда. Холодные капли струйками разбегались по лицу и проникали за шиворот. Скоро одежда и тело вымокли, стал бить озноб. На одной из узеньких улочек Настю окликнули. Рассеянно озираясь по сторонам, она заметила пожилого лысоватого мужчину, невысокого, коренастого, в дорогих очках. Он какое-то время плёлся за Настей, будто хотел узнать, куда она направляет-

ся, а теперь вот решился остановить. Она сделала пару шагов навстречу и встала. Виногато покашливая, мужчина тихо произнес:

— Вы меня можете прогнать... Но я должен сказать...

— Я вас не понимаю, — недоуменно промолвила Настя, поежившись.

— Только не перебивайте... Мне тяжело говорить... Я отец одного из тех подлецов, которые вас изнасиловали, — опустив глаза, промямлил мужчина, и, видимо, боясь, что не дослушают, зачастил словами: — Вы можете накричать на меня, но не думайте, что я не понимаю низости поступка сына, но я его отец... Он глупый телок и в тюрьме не выживет. Словом, я вам предлагаю деньги, — с волнением в голосе выпалил он. — Можете дать мне пощечину! — зачем-то прибавил он в конце.

При последнем слове мужчина машинально отступил назад и нервно заморгал, руки его дрожали. «Похоже, это отец коротышки, — отрешенно размышляла девушка. — На телка похож и сам отец. Даже странно, что у такого интеллигентного отца вырос такой детина».

Настя медлила, слепо глядя в пустоту длинной улочки. Обреченно вздохнув, она с усилием, но безапелляционно выговорила:

— Соберете с родителей этих подонков... — и назвала сумму, точно такую, какую ей велели готовить для лечения мамы, пока не поздно и благополучный исход возможен.

В кабинете у следователя Анастасия была абсолютно спокойной и бесстрастно положила заявление на стол. Пожилой с одутловатым лицом и красными от бессонницы глазами мужчина, прочитав заявление, долго протирает очки. Затем с серьезным лицом, презрительно сверля взглядом Настю, негромко спросил:

— И не стыдно? Сколько денег дали?

Неожиданно напускная маска спокойствия затрещала по швам и слезы брызнули из глаз. Настя всхлипывала, пыталась заглатывать рыдания, но не могла остановиться. Наконец ей удалось совладать с собой.

— У мамы рак... — выдохнула она. — Она у меня одна. Нужно много денег. Мне не к кому обратиться, — из горла ее вновь вырвалось рыдание.

Следователь растерялся и сник:

— А в долг?

— Негде взять так много. Квартиру продать хотела, но пока не получается. — Размазывала она слезы по лицу, пытаясь чуть привести себя в порядок.

Следователь изменился в лице, он нервно барабанил пальцами по столу.

— Ну, жилье не стоит продавать... — начал рассуждать он. — Сами тогда где жить будете? Эх, жизнь! — махнул он рукой.

Расстроившись, старый следователь достал из сейфа бутылку водки «на особый случай» и залпом выпил стопку. Помолчав, вздохнул:

— Ладно, дочка, не переживай... — начал он. — Конечно, не в моих правилах прекращать дела в отношении подонков. У самого дочь растет. Но думаю, что это как раз тот случай, когда надо действовать не по закону, а из сострадания. А эти уроды рано или поздно все равно окажутся за решеткой. По ним видно, что от тюрьмы не уйдут. Только вот важно, чтобы ты под статью за заведомо ложный донос не попала... — мужчина покачал головой. — Ну да ладно, я сочиню, что тебе сказать, как повернуть... Ты держись, милая.

— Спасибо, — по-детски тонко пискнула просительница.

— За что спасибо-то, горемычная? — вздохнул мужчина и опустил глаза.

Говорят, что беда не ходит одна. А еще утверждают, что чудеса происходят там, где в них верят. И чем больше верят, тем чаще они случаются. Видимо, вера и помогла.

Операция у мамы прошла успешно, восстанавливалась она хорошо, появилась надежда на полное излечение. Радости Насти не было предела.

Сначала она долго не признавалась матери, откуда взялись деньги, а та всё диву давалась, что всегда есть необходимые дорожные лекарства, что дочь каждый день приносит в больницу свежие фрукты. Настя отмалчивалась, а мать стала догадываться, в конце концов дочери ничего не оставалось, как признаться. Узнав, откуда у них деньги, Татьяна Ивановна расплакалась, а затем, смахивая слезы, робко спросила:

— Настенька, может, не надо было?

— Надо, — твердо ответила дочь и отвернула лицо.

Татьяна Ивановна, как в детстве, крепко прижала к груди дочь — единственное, что у нее было на этом свете.

Пришло время Насте вернуться на работу в салон. Там встретили с участием, и каждая сотрудница старалась приободрить и сказать что-нибудь ласковое. Как-то все уладилось, и потекла жизнь своим чередом — день за днем.

В срок Настя родила мальчика. И в тот миг, когда роженица увидела это крохотное существо, то ясно поняла, что в жизни произошло чудо: ее сердце стало способно биться в другой, новой жизни. И от этого волшебного чувства Настя словно переродилась, стала другим человеком, у нее появился новый смысл в ее жизни, новые надежды — как когда-то такой надеждой она стала для своей мамы.

Маленький Дима оказался горластым ребенком. Но бессонные ночи не утомляли молодую мать — наоборот, окрыляли. Это новое существо, ребенок, стал для нее таким же естественным, как сама жизнь. Женщина чувствовала себя ангелом-хранителем этого пока еще маленького человечка, с самого начала стараясь оградить его от опасностей и страхов в этом большом и не всегда справедливом мире людей. А сын плакал, смеялся, кричал и рос на радость маме и бабушке.

...И вот сейчас ее сердце вдруг заколотилось. Раздался звук открываемой двери, вот Дима почти вбежал с взволнованным лицом в комнату:

— Мама, я почему-то почувствовал беспо-

койство и решил уехать с работы пораньше, проведать тебя. Как ты?

— Со мной все хорошо, сынок. Вот лежу, — чуть виновато, будто оправдывалась, ответила она.

— Слава богу.

Он присел на краешек кровати, статный, крепкий, с добрыми карими глазами.

— Спасибо, что приехал пораньше. Чувствую, что слабею. Видимо, за мной сверху пришли.

— Не надо, мама! — Дима стал заботливо поправлять подушки.

— Сыночек, чему быть, того не миновать. Все уйдем на небеса, — погладила его руки Анастасия Павловна.

— Бедная моя мама, — положил ей голову на грудь сын.

— Я не бедная, сынок. Я прожила хорошую жизнь, — ласково перебирала слабыми пальцами его волосы мать. — Видела радости. А главное, что у меня есть ты. Ведь каждый человек не зря прожил, если внес в этот мир частичку добра. Моя душа сейчас спокойна, как сказал один очень хороший человек, там, на небесах, в ином мире, красота и непривлекательность не различаются. Мне там будет хорошо.

— Мама, ты у меня самая красивая! — шептал сын, глядя любящими глазами на нее.

Анастасия Павловна улыбнулась, ее глаза лучились радостью, и она тихонько сомкнула веки.

□

Сергей Владимирович ПЕТРОВ —

прозаик.

Родился в 1960 г.

По образованию — юрист.

Литературным творчеством увлекся

несколько лет назад.

Пишет рассказы.

Живет в Москве.

В журнале «Север» публикуется впервые.

